

Maura Silvestri

Mindscales: psiche nel paesaggio.

di Vittorio Lingiardi 2017, Raffaello Cortina Editore

Prendevo con lei in rue de la Fayette, il tram che ci portava verso un'altra collinetta, ai piedi di rue de Ménilmontant... Il momento in cui il tram passava a strapiombo su due vaste reti ferroviarie mi immergeva in uno stupore meravigliato. Il fatto che una via diventi ponte per ridivenire via mi stupiva, mi poetizzava. (E. Morin, La mia Parigi, i miei ricordi).

*Я имел обыкновение ехать на трамвае, который доставил нас на другой холм у подножия улицы Менильмонтан на Рю де ла Файетт ...Момент, когда трамвай проезжал, нависая над двумя огромными железнодорожными сетями, поверг меня в изумление. Тот факт, что путь становится мостом, чтобы снова стать путем, поразил меня, поэтизировал меня.
(Э. Морен, Мой Париж, мои воспоминания).*

Libro volutamente non accademico, Mindscales, l'ultimo lavoro di Vittorio Lingiardi è forse prima di tutto un "invito al viaggio" lungo il bordo transizionale posto tra noi e il mondo. Un saggio poliedrico, scientifico e poetico insieme, che esplora e interroga il rapporto della psiche con il paesaggio, "la stanza e la pietra non meno che il taglio del cielo".

Преднамеренно неакадемическая книга «Mindscales», последняя работа Витторио Линджарди, пожалуй, прежде всего «приглашение к путешествию» вдоль переходной границы между нами и миром. Многогранное эссе, научное и поэтическое одновременно, в котором исследуются и ставятся под сомнение отношения между психикой и ландшафтом, «комната и камень не меньше, чем срез неба».

Alla molteplicità di prospettive che da sempre indagano il paesaggio – "territorio promiscuo" per definizione, attraversato da discipline geografiche, architettoniche, archeologiche, giuridiche, antropologiche, sociologiche, nonché da turisti, viaggiatori, fotografi, artisti – il volume di Lingiardi aggiunge lo sguardo e le domande dello psicoanalista.

К множеству точек зрения, которые всегда исследовали ландшафт – «беспорядочная территория» по определению, пересекаемая географическими, архитектурными, археологическими, юридическими, антропологическими, социологическими дисциплинами, а также туристами, путешественниками,

фотографами, художниками - объем Лингиарди добавляет внешний вид и вопросы психоаналитика.

Qual è il ruolo dei luoghi e dei paesaggi nella nostra vita mentale? Cosa raccontano di noi i nostri “paesaggi elettivi”? I luoghi d’origine, di destino e di passaggio che ruolo hanno nel renderci ciò che siamo? E che ruolo abbiamo noi, la nostra soggettività, nel dar forma e senso ai paesaggi che amiamo o a quelli che detestiamo?

Какова роль мест и ландшафтов в нашей психической жизни? Что говорят нам наши «выборные пейзажи»? Какую роль играют места происхождения, судьбы и прохождения в становлении нас такими, какие мы есть? И какую роль мы, наша субъективность, играем в формировании и осмыслении тех пейзажей, которые мы любим или тех, кого мы ненавидим?

Domande che si approfondiscono di capitolo in capitolo, ma potremmo anche dire di “stanza in stanza” vista la forte ispirazione paesaggistica e poetica che pervade il testo.

Вопросы, которые углубляются от главы к главе, но мы могли бы также сказать «комната за комнатой», учитывая сильный пейзаж и поэтическое вдохновение, которое пронизывает текст.

In linea con l’“evocazione” di Rilke nel “capitolo 0” che fa da incipit al volume, Mindscapes come un’intensa rêverie, procede “rizomatico” in un susseguirsi di “oggetti mirabili”, citazioni, versi, frammenti intermittenti e “sentieri nel bosco” che conducono l’autore, e il lettore con lui, ad avvicinare quell’“oggetto indefinibile, ambiguo e sconfinato” che è il paesaggio.

В соответствии с «воскрешением» Рилке в «главе 0», которая выступает в качестве предвестника объема, Mindscapes как интенсивная задумчивость, продолжает «ризоматика» в последовательности «замечательных объектов», цитат, стихов, прерывистых фрагментов и « тропинки в лесу », которые ведут автора и читателя вместе с ним к тому « неопределенному, неоднозначному и безграничному объекту », которым является пейзаж.

I diversi capitoli-sentieri aprono itinerari e percorsi molteplici – psicoanalitici, neuroestetici, poetici, storico-politici – per riflettere sulla dimensione geografica della nostra soggettività e, circolarmente, sulla dimensione anche soggettiva e soggettivizzata (individualmente e collettivamente) della nostra geografia: “le geografie della terra sono

inseparabili da quelle della mente”, e “la nostra storia e la nostra psiche sono anche una geografia”.

Разные главы-пути открывают множество маршрутов и путей - психоаналитических, нейроэстетических, поэтических, историко-политических - для размышлений о географическом измерении нашей субъективности и, по кругу, также о субъективном и субъективизированном измерении (индивидуально и коллективно) нашей географии: « география Земли неотделима от географии разума », а « наша история и наша психика также являются географией ».

A partire da questa inseparabilità, il neologismo *mindscape* si offre come la parola giusta per evocare il rapporto tra psiche e paesaggio e “collocarci a metà strada”, là dove dobbiamo stare – scrive Lingiardi - con la psiche nel paesaggio e il paesaggio nella psiche”.

Исходя из этой неразделимости, неологизм пейзажа ума предлагает себя как правильное слово, чтобы вызвать отношения между психикой и ландшафтом и «поставить себя на полпути», где мы должны быть, - пишет Лингарди, - с психикой в ландшафте и ландшафтом в психике ».

Collocandoci a metà strada, “una città, la cima di una montagna o una duna di sabbia possono essere guardate e pensate, anche simultaneamente, in modi diversi: porzioni reali del mondo, luoghi della memoria, marcatori affettivi delle nostre biografie, specchi delle nostre emozioni, elaborazioni della nostra fantasia, nomi che risuonano”.

Поместив нас на полпути, «город, вершину горы или песчаную дюну можно рассматривать и думать даже одновременно по-разному: реальные части мира, места памяти, аффективные маркеры наших биографий, зеркала наших эмоции, разработки нашего воображения, имена, которые резонируют”.

Mindscapes dunque come spazio transizionale, emergente dalla relazione tra noi e il mondo sul bordo intermedio di confine e di incessante negoziazione tra la realtà esterna e la nostra realtà psichica.

Следовательно, образ мыслей как переходное пространство, возникающее из отношений между нами и миром на промежуточной границе и постоянных переговоров между внешней реальностью и нашей психической реальностью.

Parola nuova che, all’interno di una concezione “relazionale”, si propone di dare spazio allo spazio, e ampliare lo sguardo fino a includere la relazione con l’alterità non

umana, quell'ambiente non umano di cui già negli anni '70 parlava Searles. E che, contemporaneamente, allarga la materialità del paesaggio visibile per contemplare il non visibile lavoro significativo della psiche: "l'identità dei luoghi è anche il risultato dello sguardo che hanno ricevuto".

Новое слово, которое в рамках «реляционной» концепции направлено на то, чтобы освободить пространство и расширить наш взгляд, чтобы включить отношения с нечеловеческой потусторонностью, той нечеловеческой средой, которая уже в 70-х годах говорил Сирлз. И что в то же время расширяет материальность видимого ландшафта, позволяя созерцать невидимую значимую работу психики: «идентичность мест также является результатом полученного ими взгляда».

Il vertice dell'interazione tra i due versanti, oggettivo e soggettivo, ci sposta al di là del binarismo naturacultura per cogliere come intreccio, relazione, circolarità, leghino psiche e paesaggio in un rapporto complesso, dinamico e bidirezionale: "il paesaggio non è solo quella porzione di natura che si mostra ai nostri occhi. È il luogo invisibile in cui mondo esterno e mondo psichico si incontrano e si confondono, inaugurando nuovi confini".

Вершина взаимодействия между двумя сторонами, объективной и субъективной, выводит нас за рамки бинарности натуракультуры, чтобы понять, как переплетение, отношения, циркулярность, связь психики и ландшафта в сложных, динамичных и двунаправленных отношениях: «пейзаж не только та часть природы, которая проявляется в наших глазах. Это невидимое место, где внешний мир и психический мир встречаются и смешиваются вместе, открывая новые границы ».

Il paesaggio "chiama in causa l'umano", non può cioè essere pensato indipendentemente da come – individualmente e come collettività – lo percepiamo, lo immaginiamo, lo sperimentiamo, lo significhiamo. È indissolubilmente intrecciato alle sfumature emozionali, valoriali, culturali che come singoli individui e come collettività vi proiettiamo. E, contemporaneamente, il paesaggio "agisce su di noi" sollecitando pensieri, ricordi, sensazioni corporee ed emozioni.

Пейзаж «ставит под сомнение человека», то есть о нем нельзя думать независимо от того, как - индивидуально и как сообщество - мы его воспринимаем, воображаем, переживаем, подразумеваем. Он неразрывно связан с эмоциональными, ценностными и культурными нюансами, которые мы

проектируем как индивидуумы и как коллектив. И в то же время пейзаж «воздействует на нас», вызывая мысли, воспоминания, телесные ощущения и эмоции.

La psiche è nel paesaggio e il paesaggio è nella psiche come oggetto psichico importante della nostra vita mentale. In questa linea, Lingiardi ripensa l'idea stessa di "paesaggio elettivo", come "un luogo che cerchiamo nel mondo per dar forma e colori a qualcosa che è già in noi. Al tempo stesso una scoperta, un'invenzione e un ritrovamento".

Психика находится в ландшафте, а ландшафт - в психике как важный психический объект нашей психической жизни. В этой строке Лингиарди переосмысливает саму идею «избирательного пейзажа», как «места, которое мы ищем в мире, чтобы придать форму и цвета тому, что уже находится внутри нас. В то же время открытие, «изобретение и находка».

Il mare era pieno di voci, il cielo pieno di visioni, nella poetica idiomatica di Pascoli, un oggetto evocativo nell'accezione psicoanalitica di Bollas che ci plasma e che al tempo stesso plasmiamo, l'ambiente nell'accezione filosofica di Merleau-Ponty come "patria dei nostri pensieri".

Море было полно голосов, небо полно видений, в идиоматической поэтике Пасколи, вызывающего воспоминания объекта в психоаналитическом значении Болласа, который формирует нас и, в то же время, мы формируем среду в философском смысле Мерло-Понти как «Дом наших мыслей».

Muovendosi lungo queste due direttrici – la psiche nel paesaggio e il paesaggio nella psiche – il libro esplora diversi mindscapes.

Продвигаясь по этим двум направлениям - психике в ландшафте и ландшафту в психике - книга исследует различные виды мышления.

La preziosa eredità degli Spazi Psicoanalitici (dal nome del capitolo che raccoglie ed esplora le tante metafore geografiche che hanno da sempre caratterizzato il linguaggio psicoanalitico, dallo spazio transizionale di Winnicott fino al più recente stare tra gli spazi di Bromberg) interagisce e dialoga con altri paesaggi, apparentemente più distanti, come quelli delle neuroscienze. Secondo Lingiardi, "l'idea di mindscape non può che contenere quella di brainscape", in una direttrice che parte da Merleau-Ponty e

arriva fino a Gallese per cui in quella “operazione creativa” che è la percezione entra in gioco non solo il cervello ma il corpo tutto.

Драгоценное наследие психоаналитических пространств (от названия главы, которая собирает и исследует многие географические метафоры, которые всегда характеризовали психоаналитический язык, от переходного пространства Винникотта до самого последнего существа среди пространств Бромберга) взаимодействует и ведет диалоги с другими ландшафтами по-видимому, более отдаленный, как у неврологов. По словам Линдхарди, «идея пейзажа ума может содержать только идею мозгового пейзажа», в руководстве, которое начинается с Мелрло-Понти и идет до Уэльса, так что в этой «творческой операции», которая является восприятием, не только мозг, но все тело.

Nel capitolo sui “paesaggi neuroestetici” – l'autore apre e resta aperto alla domanda su cosa le neuroscienze possono dirci sui nostri mindscapes: “Anche il paesaggio, come un quadro o una fotografia, viene percepito secondo invarianti che attivano circuiti neuronali da cui scaturiscono risposte intrise di soggettività, di sogni, ricordi e riflessioni?”, “Nell’ambiente non umano ci limitiamo a proiettare o possiamo rispecchiare?” E, in questo senso, cosa il fenomeno della simulazione incarnata fondato sulla scoperta dei neuroni specchio può dirci sulla nostra esperienza dello spazio e del paesaggio vissuto?

В главе о «нейроэстетических ландшафтах» - автор открывает и остается открытым вопрос о том, что нейронаука может рассказать нам о наших ландшафтах ума: «Даже пейзаж, как картинка или фотография, воспринимается в соответствии с инвариантами, которые активируют нейронные контуры, из которых они возникают. ответы, наполненные субъективностью, мечтами, воспоминаниями и размышлениями? », « В нечеловеческой среде мы просто проецируем или можем отражать? »И в этом смысле, что может сказать феномен воплощенного моделирования, основанный на открытии зеркальных нейронов? наш опыт космоса и жилого пейзажа?

Lo sforzo di andare al di là di “letture riduzionistiche” ma anche di “atteggiamenti carismatici e fideisti”, oltre “l’attrito tra neuromaniaci e neurofobici”, lascia emergere le potenzialità di un dialogo tra i paesaggi caldi della psicoanalisi e dell’arte e quelli apparentemente più freddi degli studi sul cervello.

Усилия по выходу за пределы «редукционистских чтений», а также «харизматических и фидеистических установок», а также «трений между

нейроманьяками и нейрофобиками» раскрывают потенциал диалога между теплыми ландшафтами психоанализа и искусства и те, которые, очевидно, холоднее, чем исследования мозга.

Nello scambio e nella tensione tra molteplici vertici di osservazione interdisciplinare va emergendo gradualmente una panoramica ampia e multifocale su un tema non propriamente e primariamente psicoanalitico ma che ha implicazioni e riverberi importanti anche per la pratica e la clinica psicoterapeutica.

В обмене и напряжении между множественными вершинами междисциплинарного наблюдения постепенно появляется широкий и многоочаговый обзор по теме, которая не является правильной и в первую очередь психоаналитической, но имеет последствия и реверберации, важные также для психотерапевтической практики и клиники.

All'esplorazione di sentieri più classicamente psicoanalitici – oltre a quello sugli Spazi psicoanalitici, un ricco capitolo sui Paesaggi onirici, “forme estreme di mindscape” – e a quelli più recenti delle neuroestetica, si affiancano altri itinerari che veicolano concetti provenienti dalla filosofia dall'antropologia, dalla riflessione storico-politica e paesaggistica: concetti come quelli di non luogo, di eterotopie, di terzo paesaggio.

Исследование более классически психоаналитических путей - в дополнение к изучению психоаналитических пространств, богатой главы о сказочных ландшафтах, «экстремальных формах психического ландшафта» - и более поздних нейроэстетических направлений сопровождается другими маршрутами, которые переносят концепции из философии из антропологии. Из историко-политической и ландшафтной рефлексии: понятия не-места, гетеротопии, третьи ландшафты.

I temi toccati sono tantissimi, a volte inevitabilmente solo abbozzati ma offrono interessanti spunti di pensiero e contaminazioni intriganti per l'ascolto e la riflessione clinica. Per aiutarci “a comprendere ed elaborare le geografie più polarizzate”, come pure a cogliere a un livello più profondo i vissuti “fuori sede” e “migrante” propri di quest'epoca di spazi fluidi e spaesamenti, guidandoci nella ricerca e nella costruzione di un sentimento di “abitabilità”, di casa, di “paesamento” da affiancare allo spaesamento, a paesaggi psichici talora di desolazione e distruzione, abitati da case vuote o abbandonate, o da spazi di sciatteria e degrado urbano.

Затронутых тем много, иногда неизбежно только набросанные, но предлагающие интересные идеи для размышлений и интригующие загрязнения

для слушания и клинических размышлений. Чтобы помочь нам «понять и разработать наиболее поляризованные географические положения», а также понять на более глубоком уровне «чужой» и «мигрантский» опыт этой эры жидких пространств и дезориентаций, направляя нас в исследованиях и конструировании ощущение «обитаемости», дома, «пейзажа» в сочетании с дезориентацией, психические ландшафты, иногда опустошения и разрушения, населенные пустыми или заброшенными домами или пространствами небрежности и разрушения городов.

Mindscapes si presta ad una lettura non specialistica, ma è un libro profondamente psicoanalitico, di una psicoanalisi come “stato d’animo”. E ha la psicoanalisi come suo referente primario nell’esortazione, soprattutto nei capitoli finali, ad essere “terapeuti giardinieri” capaci altresì di uscire dal giardino e avventurarsi in paesaggi terzi. Sostenere la tensione tra spazi diversi più e meno conosciuti, andando oltre stanze e “confini geografici e culturali” a volte divenuti angusti, per “aprirsi al circostante”, meticcarsi, lasciarsi “disorientare”.

Mindscapes пригодится для чтения неспециалистами, но это глубоко психоаналитическая книга, посвященная психоанализу как «состоянию ума». И он имеет психоанализ в качестве своего основного ориентира в наставлении, особенно в последних главах, чтобы быть «садовыми терапевтами», способными также покинуть сад и углубиться в третьи пейзажи. Поддерживая напряженность между разными, все менее и менее известными пространствами, выходя за пределы комнат и «географических и культурных границ», которые иногда становились тесными, «открывались окружающим», смешивались, позволяли себе «запутаться».

Tra i diversi orizzonti paesaggistici che Lingiardi tratteggia in questa sua densa e generosa poetica della mente nel paesaggio, a mio avviso, quello che emerge con maggiore pregnanza è proprio l’invito a non aver paura di perdersi in un orizzonte in cui “i punti cardinali vanno continuamente persi e ritrovati”, poiché se è vero che “senza un legame interiorizzato con l’origine del nostro paesaggio rischiamo non di perderci, ma di essere perduti”, è parimenti vero che “non sapersi smarrire impoverisce la fantasia, preclude la scoperta, frena l’abbandono”.

На мой взгляд, среди различных пейзажных горизонтов, которые Линджарди выделяет в своей плотной и щедрой поэтике разума в ландшафте, более важным является именно приглашение не бояться потеряться в горизонте, в котором

«кардинальные точки» они постоянно теряются и обнаруживаются », поскольку, если это правда, что« без внутренней связи с происхождением нашего ландшафта мы рискуем не потеряться, а потеряться », также верно и то, что« незнание того, как потерять себя, истощает воображение, препятствует открытию ». помедленнее ».

Ci vogliono parecchi luoghi dentro di sé per avere qualche speranza di essere se stessi. Questa frase di Pontalis ha rappresentato, ci dice l'autore, il luogo d'origine del desiderio di scrivere il libro. La ricca polisemia del termine luogo, include anche i "campi", campi diversi del sapere e del pensiero. Soprattutto in un'epoca in cui è forte la tendenza all'iperspecializzazione, riuscire a stare tra gli spazi tra arte e scienza, poesia e neurofisiologia, linguaggio scientifico e linguaggio poetico - spazi che il più delle volte la compartimentalizzazione delle discipline lascia scissi e che abbiamo il dovere di ricomporre innanzitutto dentro noi stessi - diventa essenziale per costruire mappe capaci di riorientarci in nuove e più complesse geografie.

Требуется несколько мест внутри себя, чтобы иметь надежду быть самим собой. Это предложение Понталиса представляло, как говорит нам автор, место возникновения желания написать книгу. Богатая многозначность термина место включает также «поля», различные области знаний и мышления. Особенно в эпоху, когда существует сильная тенденция к гиперспециализации, способность оставаться между пробелами между искусством и наукой, поэзией и нейрофизиологией, научным языком и поэтическим языком - пространствами, в которых разделение дисциплин в большинстве случаев оставляет разделение и которое мы обязаны сначала собрать себя - становится необходимым создавать карты, способные переориентировать нас в новые и более сложные географические регионы.

Un invito che prende corpo nella stessa esperienza di lettura del libro, dove la scelta non convenzionale di un testo "acefalo", irregolare, "scritto per riverberi e disseminazioni" disorienta il lettore e contemporaneamente gli chiede una disponibilità a "oscillare" "perdersi" lasciarsi abitare da più luoghi.

Приглашение, которое формируется в том же опыте чтения книги, где нетрадиционный выбор нерегулярного «безголового» текста, написанного для реверберации и распространения, «сбивает с толку читателя и в то же время просит его о готовности» раскататься »,« потеряться » позвольте себе быть населенным во многих местах.